ПУБЛИКАЦИИ

© 1996 г., ЭО, № 1

Г. В. Цулая

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ АГИОГРАФИИ: «МУЧЕНИЧЕСТВО ДАВИДА И КОНСТАНТИНА»

Памяти Александра Михайловича Филиппова

Древнегрузинское агиографическое наследие не исследовано не только в общетеоретическом плане. Во многом не изучено оно и в отдельных важных частностях. Языковый барьер оказался труднопреодолимым для ознакомления с памятниками грузинской агиографии широких кругов российских и западноевропейских ученых.

Еще в конце XIX — начале XX в. заинтересованный исследователь мог ознакомиться с грузинскими агиографическими памятниками лишь по незначительным, часто некачественным пересказам М. Сабинина [1], мало удовлетворяющим академическим требованиям. До революции благодаря трудам таких ученых, как Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, А. Гарнак, К. С. Кекелидзе, П. Пеетерс и др., были сделаны серьезные публикации, свидетельствовавшие о том, что агиографические произведения на грузинском языке представляют значительный фонд христианской литературы на стыке Востока и Запада. Содержащиеся в них реалии, как исторические, так и легендарные (с исторической точки зрения также имеющие познавательную ценность), могут внести свой вклад в изучение культурно-идеологической обстановки не одной только Грузии.

Грузинская житийная литература возникла в условиях борьбы грузин с иноземными нашествиями. Это обстоятельство имело своим следствием то, что местные мартирологи богаты образами святых воинов, а кроме того, придало в Грузии этому жанру особую историчность. Не случайно именно житийная литература легла в основу историописания и даже дала свое название жанру: грузинское слово «цховреба» — «жизнь», «житие» — в древнегрузинском одновременно означало и «история» [2].

Авторская атрибуция публикуемого нами «Мученичества Давида и Константина», как и ряда других письменных памятников грузин домонгольского периода, не установлена. В самом произведении нет даже косвенного намека, способствующего решению этого вопроса. Памятник посвящен наиболее драматической эпохе в истории Грузии, как и Кавказа в целом,— времени арабских завоеваний с середины VII в. (после покорения халифатом Сасанидского Ирана), особенно обострившихся с конца того же столетия. Арабские завоевания указанного периода в Закавказье, бывшем одним из объектов всеобщей арабской экспансии, оставили глубокий след в жизни местных народов и надолго сохранились в народной памяти. Как свидетельствует публикуемое произведение, даже в эпоху расцвета феодального Грузинского царства память об арабах и их мероприятиях в завоеванной ими стране все еще переживалась как недавнее прошлое, в значительной степени отражала этноконфессиональную ментальность местного населения и, таким образом, не теряла общественной актуальности.

По замечанию К. С. Кекелидзе, дошедшая до нас версия «Мученичества Давида и Константина» является метафрасной и создана не ранее первой половины XII в. [3] На наш взгляд, эта датировка произвольна. В самом памятнике

говорится, что погребенные под церковью в разрушенном арабским полководцем Мерваном ибн Мухаммадом городе тела святых Давида и Константина оставались «неведомы и скрыты до дней великого царя Баграта, и побудил его Святой Дух устроить на том пустынном и укромном месте монастырь, и возвел для поминания сих святых мучеников прекрасный храм, и сделал доступными народу тела сих святых мучеников, и упокоил их в прекрасном гробе в им же возведенном храме».

Данное свидетельство вполне вероятно и потому может служить ориентиром времени написания «Мученичества Давида и Константина». Известно, что в 1040 г. Багратом IV (1027—1072) был возведен храм Мотцамета — «Святых свидетелей»*.

Кроме того, симптоматично, что в самом тексте имеется специальное указание, принадлежащее явно метафрасту и свидетельствующее о предназначении мартиролога именно слушателям, пастве: «...Настала пора вспомнить о святых и трудоносных мучениках Христовых Давиде и Константине, о коих и есть сие слово наше. Вы же, паства Христова, жаждущие исполнить это торжество святых мучеников, доброхотно прибывшие, со вниманием приложите разум и уши ваши, дабы не порожние, но благодатным трудом преисполненные ушли в дома свои». Вполне ясно, что «Мученичество Давида и Константина» было создано для чтения его пастве с церковного амвона и могло быть написано (метафрасировано) специально для церкви названных святых в связи с ее возведением.

Безымянный метафраст говорит о каких-то материалах (источниках), на основе которых он создал свою версию памятника. На это, в частности, указывают его слова: «Как поучают нас древние показания, сии святые мученики Давид и Константин были грузины, из области Аргвети, из великого и славного рода и мтавары (владетели, князья.— *Г. Ц.*) той земли» и т. д. Из этих слов метафраста можно заключить, что он не переписывал целиком имевшийся у него источник, но брал из него, очевидно, лишь отдельные данные о своих героях. Все остальное — плод домыслов «вторичного» автора, а также то, что он знал или слышал в своем кругу об истории Византии, Сасанидского Ирана, халифата и Грузии описываемого периода. И здесь он чувствовал себя столь свободно, что допускал непростительные даже для того времени несуразицы.

В связи со «старыми сведениями», о которых говорится в мартирологе, можно указать на факт, что ни одно из древнегрузинских описаний арабского нашествия не упоминает Давида и Константина [4]. В фольклоре грузин упоминаний о них также не сохранилось. Но уже с XII в. сохранились синаксарные редакции «Мученичества Давида и Константина» [5], содержание которых, по наблюдению ученых, порой принципиально отличается от пространной его версии. Примечательно также, что «Мученичество Давида и Константина», в отличие от других агиографических произведений Грузии, имеет несколько синаксарных редакций, что свидетельствует о популярности этих святых в среде книжников средневековой Грузии.

Проведя текстологический анализ, исследователь Э. Габидзашвили вполне уместно предположил, что указанные синаксарные редакции, базирующиеся на каких-то не дошедших до нас источниках, возможно, и есть те «старые сведения», на которые ссылается метафраст [6]. Еще Вахушти Багратиони, писавший в Москве на основании старых источников, указал в Имерети (родине Давида и Константина) на «Мотцамета хеви» — «Ущелье святых мучеников» [7], к которому грузинское население до сих пор относится с особым религиозным пиететом. Грузинская церковь отмечает день памяти святых Давида и Константина 2(15) октября.

Трудно представить форму первоначального текста (архетипа) «Мученичества

---

* Русским агиографическим термином «мученик» мы переводим древнегрузинское «мотцаме» — «свидетель», вместе с другими формами этого слова в восточной агиографии восходящее к труднопереводимому греч. martyros. Прекрасное исследование этого термина, воспринятого в литературе восточного христианства, см.: *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. 2. М., 1994. С. 2—3 (репринт. изд. 1907 г.).

Давида и Константина». Можно лишь полагать, что это были несложный мартирологический акт и получившие распространение среди монахов вскоре после гибели «мтаваров» устные рассказы.

Большинство упомянутых в самом произведении письменных памятников на грузинском языке известны с X в. Ввиду этого можно не сомневаться, что они использованы уже самим метафрастом. Вместе с тем, мы не можем быть твердо уверены в том, что анонимный метафраст пользовался сочинением автора XI в. Джуаншера Джуаншериани «История Вахтанга Горгасала», точнее, той его частью, которую мы называем «Исторической хроникой» псевдо-Джуаншера [8], созданной не позднее X в., откуда он якобы «извлек рассказ о нашествии Мервана Глухого со всеми его деталями» [9]. Это не может соответствовать действительности, в чем нас убеждает сопоставление текстов обоих произведений.

«Мученичество Давида и Константина»: «Когда узрел Мурван Глухой все, что постигло его, стал весьма винить себя и советников своих, предложивших ему вступить в эту узкую и лесистую страну, и поднялся и стал лагерем в Питиоте, в приморском городе, который именуют Цхуми».

«И были тогда дети великого царя Горгасала Арчил (и) Дарчил в крепости той, которую называют Анакопия, ибо скрывались они (в ней) от страха перед персами. И вступили вперед с небольшим войском в сражение с язычниками, но были осилены ими, ибо убили брата старшего Арчила, а Дарчил вернулся в ту же крепость Анакопию».

«История Вахтанга Горгасала»: после разгрома Мерваном ибн Мухаммадом Картли правители последней Мир и Арчил «ушли в Эгриси, а оттуда скрылись в Абхазии». Мухаммад «стал преследовать их по пятам и сокрушил все города и крепости страны Эгрисской». Затем арабский полководец прошел «Клисуру, которая в ту пору была рубежом между Грецией и Грузией, разгромил город Апшилети Цхуми и подступил к крепости Анакопии, в которой пребывает нерукотворный, свыше ниспосланный образ Пресвятой Богородицы и о котором неведомо, кто явил его на вершину той горы, граничащей на юге с морем, а на севере с лесом болотистым. В ней (Анакопии) пребывали тогда цари картлийские Мир и Арчил. Отец же их помер и был погребен в Эгриси. А эристав кесаря Леон (Абхазский) находился в крепости Согбиси, расположенной на Овсетском перевале. И никто не мог противостоять Глухому, ибо были войска его более и многочисленнее лесов Эгриси...»

«И было при них немногое число придворных и родни эриставов и питиахшей — около тысячи (человек), а из бойцов абхазских — две тысячи...»

«И уповая на Бога, вышли на борьбу с ними. Сразились, и ниспослал Господь мощь малому люду христианскому; погибло от недуга тридцать пять тысяч сарацин, а от меча же — три тысячи. И был ранен Мир копьем в пах. Христиан в день тот было убито шестьдесят, а кони сарацин попадали во множестве, словно леса, и выбросили их всех в море» [10].

Сопоставление этих сведений об одном и том же событии свидетельствует, что автор «Мученичества Давида и Константина» был далек от тех знаний исторических фактов и событий, которые он мог почерпнуть из «Истории Вахтанга Горгасала», если бы он ею пользовался. Агиограф не просто спутал имена исторических героев — свои знания он брал из источника, имевшего мало общего с сочинением псевдо-Джуаншера. Церковный писатель не мог не упомянуть об образе Пресвятой Богородицы, столь почитаемой в Грузии и о которой так ярко сказано в сочинении псевдо-Джуаншера; братом картлийского царя Арчила был не Дарчил (точнее — Дачэ, как это зафиксировано в древнеармянском переводе «Картлис цховреба»); в борьбе с арабами погиб Мир, а не Арчил, как это известно по «Исторической хронике». Кроме того, Мир и Арчил, последние представители древнегрузинской династии Фарнавазианов (III в. до н. э.— VIII в. н. э.), не были сыновьями Вахтанга Горгасала. Мы не усматриваем здесь влияния на метафраста-агиографа библейской традиции, в которой «сыновство» часто употребляется не в строгом значении этого понятия, а в смысле потомства вообще (что под

влиянием Священного Писания в средневековой литературе действительно встречается в виде застывших клише). У метафраста обычная хронологическая путаница.

Важно отметить также, что агиограф ничего не говорит о роли «двух тысяч» абхазских воинов — союзников Мира и Арчила — в борьбе картлийцев против арабов в Западной Грузии, что в сочинении псевдо-Джуаншера особенно подчеркивается. Вообще, судя по тексту, агиограф ничего не знает об абхазском этносе. Так, в отличие от псевдо-Джуаншера, говоря о г. Цхуми (древнегрузинское название Сухуми), он не ставит его в связь с Апшилети.

Вместе с тем этот факт неслучаен. В данном месте его рассказа могло отразиться общее представление о Грузинском царстве периода жизни метафраста, когда под терминами «абхазы» и «Абхазия» нередко подразумевались грузины и Грузия в целом [11]. Все остальное: разгром и разорение причерноморских городов, поход войска Мервана ибн Мухаммада на Константинополь, фантастическая его осада, «сорвавшаяся», в понимании автора, лишь по промыслу Божиему, жуткая смерть Глухого, которого на самом деле постигла иная смерть да к тому же на халифском престоле,— это устные вариации смутно представляемых метафрастом исторических событий. В этих рассказах отражены те знания об арабских завоевателях, которые бытовали в монастырских кельях спустя почти 400 лет после самих исторических событий.

Аргвети, уроженцами которой были Давид и Константин,— восточная часть Западной Грузии, одна из этнотерриториальных единиц древнего Картлийского царства, аборигенным населением которой были западнокартвельские племена мегрело-чанов (отсюда и вариант ее названия Маргвети, Маргви, основа которого составляет самонаименование мегрелов «маргал-и») [12]. Аргветское эриставство (воеводство) занимало территорию на восток от Шорапани, рек Риони и Ханисцхали до Лихи (Сурамский хребет). В период описанных в мартирологе событий — конец 30-х годов VIII в. (эпоха разобщенности грузинских земель) — Аргвети была самостоятельной областью. Не случайно агиограф пишет о своих героях вне зависимости от иных территорий расселения грузинских (картвельских) племен, также подвергшихся арабским погромам. В первоначальном тексте, легшем в основу метафрастной редакции «Мученичества Давида и Константина», действительно, речь должна была идти исключительно об этом княжестве. Лишь значительно позже, в период объединения Грузии, под пером метафраста в произведении могли появиться сюжетные связи с Восточной Грузией. Этим в известном смысле и объясняются имеющиеся в них фактические несуразицы.

Аргвети была особым мтаварством (княжеством) в составе образовавшегося на рубеже VIII—IX вв. Абхазского царства [13]. В связи с этим следует отметить одно обстоятельство, а именно — то место в метафрастной версии, где говорится, что святые воины Давид и Константин являлись мтаварами-князьями. В наиболее древней из синаксарных редакций, не связанной с пространной, указывается на их азнаурство, т. е. они были социально рангом ниже. Эта социальная идеализация, допущенная автором XI в., вполне понятна. Но главное, тут же говорится, что «сии неодолимые мученики были родом грузины из пределов Абхазии (сазгвартаган Апхазетисата), из местности Аргвети» [14].

С образованием объединенного Грузинского государства в IX—XI вв., у истоков которого стояло Абхазское царство [15], Аргвети стала одним из мощных в пределах Грузии партикулярных владений. Здесь свил гнездо знаменитый в истории не одной только Грузии местный феодальный род Липаритов, до ликвидации которого (получившего в Грузии пеоративное прозвище Багваши [16]) центральными властями, как свидетельствуют источники, страна не знала внутреннего покоя. Царям объединенной Грузии пришлось приложить немало усилий, чтобы разгромить Липаритов, имевших довольно широкие международные контакты и затем рассеявшихся по монастырям и имперским канцеляриям Византии [17].

Последний раз Аргвети упоминается в сочинении историка Давида IV

Строителя (1089—1125) в связи с нашествием на Грузию сельджуков при его отце Георгии II [18]. С воцарением Давида Строителя Аргвети как партикулярное владение было полностью ликвидировано и в 1103 г. приписано Гелатскому монастырю (близ Кутаиси).

Самосознание грузинского агиографа сложно, но исторически вполне определенно. Он грузин и поэтому — христианин. Говоря о своих героях, автор подчеркивает, что аргветские вельможи Давид и Константин были грузинами и сложили свои головы за веру и родину (в частности, Аргвети).

Вместе с тем наш автор не чужд и грекофильства. Византия для него — безупречный источник конфессионального сознания и культурного подражания. Если у него есть выбор употребить грузинское или греческое (античное) название местности в Грузии, то он пользуется последним в соответствии с характерными для византийской литературы нормами использования древних географических названий [19], но тут же приводит его грузинский эквивалент. Так, в рассказе об истязаниях захватчиками Давида и Константина говорится, что Мерван Глухой повелел «связать им руки и ноги и на хребет положить глыбы тяжкие и таким образом сбросить их в реку Фосон (Фасис — *Г. Ц.*), которая на грузинском языке именуется Риони».

На основе именно грекофильства формировался и политический кругозор автора. Выведенный в «Мученичестве Давида и Константина» идеальный образ византийского императора Ираклия (610—641) мало адекватен его историческому прототипу, однако соответствует отношению к нему, выработанному в грузинской исторической традиции.

С именем Ираклия связана его попытка накануне арабской экспансии добиться унии монофизитства с греко-византийским вероисповеданием христианства, санкционированной Халкидонским собором 451 г. и определившей взаимоотношения двух природ — Божественной и Человеческой — во Христе [20]. Ираклию попытка утверждения монофелитства, как известно, не удалась, но зато в истории халкидонитства остался основной, как считалось, подвиг Ираклия — спасение им из «персидского плена» одной из главных христианских реликвий — Животворящего Древа, увезенного персами во время разгрома ими Иерусалима в 614 г. Это событие, потрясшее христианский мир на Востоке, вскоре было описано просвещенным современником, благочестивым христианином Антиохом Стратигом в сочинении «Пленение Иерусалима персами», переведенном с арабского на грузинский в X в. [21] и оставшимся единственным полным о том свидетельством. Этот подвиг императора Ираклия сохранился в памяти народов византийского круга и (что засвидетельствовано автором «Мученичества Давида и Константина») грузин в особенности, о чем может говорить факт идеальной сохранности на грузинском языке названного произведения.

Преклонение грузинских летописцев перед императором Ираклием, вызывавшее у современников далеко не однозначные чувства [22], нашло свое выражение в такой важной, с точки зрения христианских авторов, деятельности, как церковное строительство в Грузии. Автор XI в. Сумбат Давитис-дзе сообщает об этом неизвестные по другим источникам факты: по инициативе Ираклия в местности Хузашени (Восточная Грузия) «народ приступил к постройке церкви, которая блистательнее всех церквей»; затем император в Бердуджи (Восточная Грузия) «остановился посреди деревни... положил основание церкви Пресвятой Богородицы и кончил постройку ее купола» [23]. В одной из поздних «вставок» в «Историю Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншериани Ираклию приписывается, очевидно, по устной исторической традиции грузин, строительство Ацкурского храма [24].

Во время похода Ираклия в Закавказье и взятия им Тбилиси, находившегося перед этим во власти персов, Сумбат Давитис-дзе особо подчеркивает, что «до него (императора Ираклия.— *Г. Ц.*) Тбилисская церковь (Сиони) была завершена, а церковь Джвари не была окончена». «Затем царь же Ираклий разослал проповедников в Тбилиси, Мцхета и Уджарму с тем, чтобы все христиане вошли в

церкви, а те маги и огнепоклонники, которые не приняли крещения, были бы истреблены, а они не приняли крещения и хитро перемешались с христианами. Но всех их настиг меч, и потекли реки крови в церквах. Очистив веру Христа, Бога нашего, отправился царь Ираклий в царство свое» [25].

В действительности здесь путаница в источниках. Названные строительные мероприятия имели место независимо от византийского императора. Еще Н. Я. Марр обратил внимание на то, что возведения каких-либо храмов в Грузии, связанных с византийским императором Ираклием, не было [26].

Культ императора Ираклия у грузинского автора в известном смысле обусловлен тем, что это был последний крупный деятель на константинопольском престоле предиконоборческого периода. Автор «Мученичества Давида и Константина» — ревностный иконопочитатель — post factum считает себя борцом за его идеалы. Он с почтением цитирует выдающегося борца за иконы Иоанна Дамаскина и с ненавистью относится к памяти первого императора-иконоборца Льва III Исавра (717—741) и т. д.

Автор «Мученичества Давида и Константина» нередко обращается к ветхозаветным образам и мотивам. Образы своих героев и их врагов вызывают у него ассоциации с единоборством библейских персонажей Давида и Голиафа. Сюда же относится и метафорически использованный образ библейского Ахитофела, умного, но неудачливого советника мятежного сына Давида [27]. В этой связи может вызвать особый интерес и название епископата Чкондиди, которое автор не преминул перевести с мегрельского как «Большой Дуб». Название Чкондидского епископата в местности Мартвили (Западная Грузия), основанного еще правителем Абхазского царства Георгием II (922—957), знаменитым не только на Кавказе, но и в самой Византии, на наш взгляд, связано не с растительным миром самой местности Мартвили. Вопрос культурно-идеологически более сложный и может восходить к библейским (ветхозаветным) традициям в истории организации Грузинской церкви. В названии этого епископата, в частности, отразился зафиксированный в Библии обычай обозначать названием дуба особо почитаемые местности [28]. В горной части Восточной Грузии, где сохранились наиболее архаические черты народных религиозных верований, главный персонаж в пантеоне грузинских святых — Георгий Победоносец — известен как «Мухис Гиорги» — «Георгий (Большого) Дуба» [29], в чем следует видеть отражение ветхозаветного влияния.

Одним словом, название епископата Чкондиди, если и было связано с «дубовыми рощами» в местности Мартвили, то лишь по ассоциации с ветхозаветными мотивами, а потому может свидетельствовать о месте Ветхого Завета в формировании христианских представлений в Западной Грузии — на родине Давида и Константина.

Другим мегрельским элементом в произведении является название г. Джихан-Куджи, под которым следует подразумевать известный по грузинским источникам Цихе-Годжи (Археополис греко-византийских источников, смысловое значение которого соответствует груз. Нокалакеви). Первая часть названия «Джихан» — мегрельская форма, соответствующая письменной форме «Цихе» — «крепость»; вторая часть — «Куджи» в данном случае заменила летописное «Годжи». Согласно грузинской исторической традиции, г. Цихе-Годжи был построен правителем западнокартвельских (западногрузинских) племен Куджи, жившим, вероятно, в первой половине III в. до н. э. [30]. По «Мученичеству Давида и Константина» видно, что память о воздвижении столицы Эгриси (древняя Колхида-Лазика) эгрисским (колхским) царем Куджи, носившим имя скифо-сарматского происхождения, жила даже в эпоху нашего метафраста.

Отметим также, что в одной из синаксарных редакций «Мученичества Давида и Константина» местом их подвига названа не местность Цхалцители, как у метафраста, а Отмине. Издатель синаксарных редакций Э. Габидзашвили пишет, что «основания для появления этого названия нам пока неизвестны» [31]. Неизвестного здесь ничего нет. Это название — Отмине — переводится с мегрельского как

«место страстотерпцев», соответствуя, таким образом, основе греческого названия Мартвили, и в этнолингвистическом отношении адекватно названию области Аргвети, точно так же, как и другим топонимам этого края,— Окриба, Опшквити, Опурчхети и т. д. [32]. И наконец, не был ли первоначальный автор мартиролога аргветцев Давида и Константина сам аборигеном Аргвети, т. е. эгром (мегрелом)?

Произведение о Давиде и Константине свидетельствует и о довольно активной антимусульманской полемике в Грузии. Антиисламская политическая литература в Грузии зародилась в связи с арабской агрессией и под влиянием Византии [33]. Сочинение грузинского автора VIII в. Иоанна Сабанис-дзе «Мученичество Або Тбилисского» — первое из сохранившихся антимусульманских произведений грузин. Вместе с тем указанное сочинение, в отличие от «Мученичества Давида и Константина», характерно и вызовом деспотической гегемонии «единоверной» Византии в самом христианском мире.

Примечательно, и это не единственный в древнегрузинской литературе факт, что автор «Мученичества Давида и Константина» в постигших их страну бедствиях винит не «персов и арабов», а их правителей, жертвой которых оказался, с точки зрения грузинских страстотерпцев (точнее, автора!), собственный народ. «А брат же матери твоей,— говорят Мервану Глухому святые аргветские воины,— чрез которого ты хвастаешь,— пусто вам кичиться им, потому как ведомо нам, был он обманщик и губитель рода вашего».

Долгие прения между арабским полководцем и его христианскими жертвами завершаются характерной концовкой, типичной для заведомо непримиримых полемистов и свидетельствующей не только о полном неприятии, но абсолютном игнорировании христианами самих аргументов своих врагов. Убедившись в «начитанности» Давида в исламской книжности и его «осведомленности» о родословной основателя ислама, Мерван Глухой вдруг спрашивает Давида: «И кто же научил нашим книгам тебя, недостойного жизни?» Отвечает ему святой Давид: «Книги ваши непотребны для меня, но говорю я это, чтобы обличить вас». Вместе с тем полемические «прокладки» в этом произведении лишь сопутствующие, основное его содержание — вооруженное сопротивление вторгшемуся врагу.

Обращает внимание анахронистическое перечисление стран, которыми «владел» Мерван Глухой. На первом месте нередко стоят персы и Персия и лишь затем называются арабы и Аравия. Мерван ибн Мухаммад, действительно, вторгался в Грузию из Персии через Самцхе (Южная Грузия). Но престижное место Персии в описываемых событиях можно отнести исключительно за счет творчества метафраста, в период жизни которого мусульманский Иран стал наряду с Византией играть существенную роль в культурной жизни Грузии.

Как мы уже говорили, первоначальный текст «Мученичества Давида и Константина» мог представлять собой так называемый мученический акт и о его художественных достоинствах говорить не приходится. Однако для метафраста идея имевшихся в его распоряжении источников была столь же близка, как и для авторов указанных в произведении «материалов». Несмотря на отмеченные нами недостатки фактического характера, которые должны свидетельствовать об уровне знаний не только метафраста, но и того окружения, в котором он вращался, метафраст оказался талантливым писателем. Его энергический стиль вполне гармонирует с описанными в произведении событиями и впоследствии гарантировал сохранность его в фонде домонгольских письменных памятников Грузии.

Ниже приводится сделанный нами первый полный перевод «Мученичества Давида и Константина». Перевод сверен с оригиналом М. М. Бердзнишвили, за что приносим ей искреннюю благодарность.

* * *

Мученичество Давида и Константина

I. В царствование над греками богоугодного Эракла, когда он царским скипетром правил подвластной своей страной, вторгся персидский царь Хуасро в оный богохранимый град святой Иерусалим, в котором произошло искупление всея Вселенной. И по допущению Божиему вывел и полонил и истребил бесчисленный люд, мужей и жен, иереев и диаконов и дев, как писано (о том) в книге о пленении Иерусалима, во свершение слов Спасителя, а именно: «Не останется камня на камне, покуда все не разрушится».

Ибо многажды пленяли Иерусалим вавилоняне и римляне, а теперь — персы. И увели Древо Жизни, на котором Христос принял страдания ради нас, и Захария — великого патриарха, и возвернулись в Персию же. Но свершались чудеса неисчислимые от оного Древа Жизни, а потому среди персов говорили: «Бог христианский явился».

И было это в тягость богоугодному царю греческому Эраклу, и волею Господнею выступил в поход против персов, и прибыл в страну команов, кои суть кивчаки, и выдал дщерь свою в замужество царю кивчакскому, и повел его со всеми силами его, как собственными. И вступил в Персию, и убил Хуасро, царя персидского, и полонил и разорил страну Персидскую, и увел обратно Древо Жизни и патриарха Захарию, и победоносно вернулся в Иерусалим, и частицы Древа Жизни частью упокоил в Иерусалиме, а частью отправил в Константинополь. А патриарху же Захарию возвратил его престол. Когда же царь возвращался из Персии в Египет, Мухмед предстал пред царем Эраклом и поднес ему дары обильные, ибо был он весьма богат и главенствовал над арабами, и просил у царя места для пастбищ и содержания своих стад. Царь же дал ему долины и горы земли Синайской, что расположены подле Аравии. И вернулся царь в собственный город, и была страна Греческая в мире, и повиновались ей все племена. Но преставился царь Эракл, и последующие цари и патриархи были еретики, недостойные и иконоборцы, как глаголит Максим (Исповедник): «Унизятся цари греческие и усилятся персы и арабы допущением Господним». И усилился Мухмед, и главенствовал над персами и арабами, и присвоил земли Египетские и Палестинские. Тогда же Иоанн Милостивый предпочел бегство, и пришел в вотчину свою на Кипр, и там преставился.

А после смерти неверного Мухмеда оставил он власть своею злобностью ему же подобному Мурвану Глухому, племяннику своему. Сей же безбожник, когда заполучил главенство над персами и арабами, допущением Господним восстал со всем своим родом-племенем язычников во обличение грехов наших и двинулся в поход против христиан, народа избранного и Божиего, и разорил и истребил страну Греческую и Армянскую до пределов моря. И затем, словно тучи темные, словно чертополох и мошкара, покрыл множеством (своим) край северный и покрыл лик земной. Ибо ушел он в Самцхе и стал лагерем в окрестностях Удзрхе, ибо был сей город знаменит своими старинными строениями. И так доднесь.

II. А теперь настала пора вспомнить о святых и трудоносных мучениках Христовых Давиде и Константине, о коих и есть сие слово наше. Вы же, паства Христова, жаждущие исполнить это торжество святых мучеников, доброхотно прибывшие, со вниманием приложите разум и уши ваши, дабы не порожние, но благодатным грузом преисполненные ушли в дома свои. Так, как я уже говорил, разнеслась весть о приходе в сию страну язычников, и были во страхе и трепете сердца людей.

Как поучают нас древние показания, сии святые мученики Давид и Константин были грузины, из области Аргвети, из великого и славного рода, и мтавары той земли, и состояли в родстве друг к другу, и были в Купели проповедей Андрея и Симона Кананита, ибо они благовествовали о Христе среди грузин прежде явления Нино.

И были сии святые непорочны телом и учены в Старом и Новом Заветах, истинно верующие, опытные и отважные в боях и сражениях. А Давид был старший днями, благолепен и светлый плотью, с каштановыми волосами, благороден телом и с густой бородой. А Констант (!) благороден телом и с каштановыми волосами и бородой, и оба преисполнены Святого Духа.

И как проведали святые о пришествии язычников в сию страну из Самцхе, препоясали себя мощью Божией, словно кольчугами, и собрали воинство сей страны, и призывали имя Господне, и укрепляли народ верующий молитвами и ночными бдениями. А язычники, двинувшись из Самцхе, приступили к земле Аргветской, двинулись передовые и избранные (воины). Тогда сии святые были в сборе и настороже и воспевали песнопения Давида, которые он сложил, когда сражался с Голиафом. Когда язычники узрели сих святых, возопили, словно звери, и (стали) наступать.

Но святой Давид прикрылся именем Христовым, как щитом, и крепил отряд свой и сделал его бесстрашным, кликнул, словно лев, и обратил их в бегство, привели в замешательство и истребили их

множество, и сотворили великую победу христианам. Когда обращенные вспять беглые поведали Мурвану Глухому о том, что их постигло, что, мол, передовое и отборное воинство твое сокрушено служителями древа, он же ударил себя рукой по лицу своему и сказал, а именно: «Да кто же это дерзнул мне, кто противостал великому пророку Мухмеду, брату матери моей?» Сказал он это и созвал все обилие язычников, и двинулись во множестве, словно песок, и пришли в землю Аргветскую, и заполонили леса и долины, и горы, и холмы. И захватили руки язычников люд христианский, ибо некоторые скрылись в лесах, других же истребили, а святые Давид и Константин и некоторые прочие их соратники были схвачены. И когда уведомили поганого Глухого о пленении сих святых, хлопнул себя по рукам и славил за эту победу брата матери своей Мухмеда и веру его.

III. И как только разбили лагерь, воссел на престоле и велел привести святого Давида и святого Константина, и представили ему, неверному, их со связанными руками. Когда он увидел их предстоящими пред ним, Мурван Глухой зычно рассмеялся и сказал: «Кто же вы такие, поклонники камней и деревьев, что дерзнули противостоять мне? Или неведомо вам, что я сын сестры великого пророка Мухмеда, вере которого покоряются вся Аравия и Персия, и покорил я все страны от Запада до Востока?»

Ответствовали и сказали оные святые ему, а именно: «Хвастовство твое и насмешки над нами пусты и тщетны, потому как мгновенна слава твоя и вскоре развеется, ибо не по достоинству твоему случилась тебе победа твоя над нами, но по греховности нашей, потому как преступили мы завет Господний; вы овладели нами, чтобы Бог наказал нас неверными и безбожными руками вашими. А брат же матери твоей, чрез которого ты хвастаешь,— пусто вам кичиться им, потому что, как ведомо нам, был он обманщик и губитель рода вашего».

Как только услышал это насильник от оных святых, разгневался весьма и велел сопровождающим палачам бить их по лицу и истязать палками; они же исполнили повеление насильника, и до устали били их по лицу, и связанных повалили наземь; они же отважно терпели, и благодарствовали Бога, и взывали к Его помощи.

Тогда обратился к ним насильник во гневе и ярости: «Ой вы, эдакие, сперва вы уничтожили передовых и отборных воинов моих, а теперь бесстыдно поносите славного и знаменитого пророка Мухмеда, брата матери моей, коего славят вся Аравия и Персия». Сказал он и затем льстиво стал прельщать их и говорил святому Давиду, а именно: «Наслышан я о тебе от спайспетов моих, что человек ты разумный и в боях испытанный, и глава земли этой, а теперь внемли мне, благожелателю твоему, отрешись от пустых и тщетных слов безумия вашего и повинуйтесь избранной вере пророка Мухмада, брата матери моей, и сделаю вас мтаваром и вельможным во всей Персии и Аравии. Ибо сделаю тебя спасаларом и предводителем всего воинства моего, а отроку же оному, ближнему твоему, воздам честь — быть навечно в палате дворца моего пред престолом моим, и будешь наслаждаться равно с другими вельможами моего дворца». И как только произнес это насильник, святой Давид осенил лик свой крестом и говорил: «Не будет того с нами вовек. О, насильник злобный, пошто отрекаться от света и ступать во тьму! Ибо Господь наш призвал нас ко Свету Своему, когда Сын Его, Слово и тождественный Ему, явил миру, и воплотился в Человеке для нас, и всякий промысл возложил на Себя: Распятие, Погребение и Воскресение, и вновь вознесся ко Отцу; положено Его же возвращение на Суд живых и мертвых. И отправил Он учеников Своих во все земли благовествовать имя Его и для отвращения от поклонения идолам. А два главных из Его учеников достигли страны нашей и благовествовали они пришествие Христа и обратили нас от рабства идолам. И мы чрез них научены и просвещены и не станем рабами чуждой веры, пустой и обретенной, но во имя Христа готовы на всякие страдания и муки, огонь и воду, меч и погибель. Это и есть вера наша истинная — христианство, помните это, всякий стан персов и арабов».

Говорил ему насильник, а именно: «За доброе поучение и совет ты дал злой и безумный ответ? Ведь писано в нашем Коране о Христе, который есть Исе, что был он пророк и человек правдивый, сын Мириам, и Сам именовал Себя Сыном Божиим, потому евреи умертвили Его на древе. Но который (из вас) дерзнет поносить великого Мухмада — по безумию сказывает то, ибо персов и арабов отстранил он от огнепоклонства и (даровал) им милость Божию, ибо Бог един.

Ответствовал святой Давид и говорил им: «Книгой вашей, которая есть Куран, вы неверно владеете, ибо в Куране вашем писано о вас, что, когда вы допустите ошибку, наставит вас на путь истины благовестие Христа — книга Исе, которую он дал своим ученикам, об этом писал вам Али, усердный ученик Мухмада, но вы неразумны, и неведомы вам ни книжность и ни сила Господа, ибо Мухмад хотя и отстранил вас от огнепоклонства, но не смог дать вам Богопознания; как тот корабль, который хотя и не затонул в открытом море, но затонул достигнув морского берега, но не было прока, потому как не достиг суши — так и вы, ибо Христос, Сын Божий, о пришествии которого проповедовали и пророчест-

вовали первые Пророки и Патриархи, не был признан Мухмадом и вам не дал познать Его, и пребываете вы в погибели и заблуждении великом от неразумения вашего». Говорил ему насильник: «И кто же научил нашим книгам тебя, недостойного жизни?» Говорил ему святой Давид: «Книги ваши непотребны для меня, но говорю я это, чтобы обличить вас».

Затем оный насильник обратился к святому Константину и сказал, а именно: «А ты, юноша, что скажешь о себе, повинуешься велению нашему или нет?» Но святой возвысил голос, поразивший его (Мервана), и сказал следующее: «Не будет моего повиновения воле твоей, но как верует и признает господин мой Давид, так же и я верую и признаю, ибо мы с ним одному закону и одной вере научены, и верую в Отца и Сына и Дух Святый, и за то помру».

Тогда разгневался на них неверный и призвал неких палачей безжалостных и злобных и предал им в руки оных святых и велел, чтобы до десяти дней не ведали они ни вкуса хлеба, ни воды, и каждодневно и неустанно истязали их многообразными истязаниями, дабы изнурениями и пытками вынудить признание веры Мухмеда. Но оные святые постами и молитвами ко Господу приняли на себя все изнурения, голод и жажду, страдания и пытки, побои и злословия из-за любви ко Господу Христу.

Когда же миновали те десять дней, призвал безбожный Мурван Глухой магов и гадателей персидских и отправил их к святым мученикам, дабы лицемерием и волшебством обратить оных святых к их вере. И как те пошли и узрели святых, истощенных плотью и иссохших от истязаний их, обрушившими им на головы палачами, притворно разгневались на истязателей тех, а именно: «О, эдакие, что вы позволили себе, или почто так унизили сих людей славных и отважных в сражениях, или неведомо вам, как вопиют персы, великий амир-мумн Мурван весьма желает им радости и расположен нежить их?» Затем обратились к святым и говорили им льстиво таким образом: «По зову всей Персии и Аравии Мурван прислал нас к вам, ибо ведомо о разуме вашем, так что в пору сию мы рассудили о благе вашем. Ныне дайте мне слово надлежащее, напрасно вы уповаете на человека осужденного и мертвого, не губите юность вашу преждевременно горькою и злобно злостною смертью, но изберите лучшее и смилостивитесь над собою и обратитесь к вере избранного пророка Мухмада, чтобы веселиться с нами, ибо и мне жаль юности и отваги вашей, даю вам благий совет. Это повелевает вам великий амир-мумн Персии и Аравии, мы же, о, юноши прекрасные и отважные, говорим вам, чтобы вы признали волю великого и высокого главы нашего, ибо — вот они — присланные им знамена и одежды, подобающие величию вашему». И показывали оным святым великие дары и царские щедроты и льстили святым лестью многообразною.

Тогда святые оные глянули на них и говорили им: «Потому как вы невежды и невежественно говорящие, посланники Глухого и коварного, мы не продолжим слова нашего к вам, но скажем лишь о том, что поскольку мы спервоначала признали истинную веру нашу и уверовали в нее, мы на ней тверды и неизменны и никакие бедствия и ни слава сей преходящей жизни не отрешат нас от любви и веры ко Иесу Христу, но мы готовы во имя Его к гладу и жажде, огню, и мечу, и воде, а вслед за тем к смерти за Царствие Небесное. Ибо подносимые вами дары и слава пред глазами нашими суть презренны и ненавистны; но упование наше и слава есть Христос, и смерть во имя Его — желанна. Ступайте и поведайте обо всем этом приславшему вас соблазнителю и обольстителю».

Когда же услышали это от оных святых, удалились они посрамленные и обо всем поведали Глухому Мурвану и еще говорили ему: «Не надейся на этих людей, ибо не робеют они ни пред истязаниями, ни пред смертью, но тверды в вере своей». Узнав об этом, неверный насильник пресек надежду на них и в великом гневе постановил оным святым смерть таким образом: назначил палачей паче злых и беспощадных, дабы сначала подвергнуть их нещадным побоям и истязаниям, подвешиванию вниз головой и затем — связать им руки и ноги, и на хребет положить глыбы тяжкие, и таким образом сбросить их в реку Фасон, которая на грузинском языке именуется Риони.

IV. Такой жребий вынес насильник оным святым, а сам стал лагерем в городе Джихан-Куджи, в стране Мегрельской, в окрестностях Чкондиди, которая на мегрельском языке значит «Большой Дуб». И простирался лагерь их от реки Цхенис-цкали до Абхазии, и забрал крепости и города, разорил их и сделал непроходимыми и безлюдными страну Мегрельскую и Абхазскую.

Но тут постиг гнев Божий люд и колесницы его, ибо род абашей стоял лагерем на реке той, которую ныне именуют Абаша, а кони и колесницы — на берегу реки, которую именуют Цхенис-цхали. И случились чудеса всевышние: громы и молнии, град и ливень мощный и жестокий, разверзся лик земной, и полились множества вод, и стала морем суша. И раздвинула река абашей пределы свои и хлынула на род абашский, и отныне река (так и) стала именоваться рекой Абашой. А воды реки Цхенис-цхали обрушились на их колесницы и коней и увлекли всех, число их достигло до четырех тысяч, и назвалась река та Цхенис-цхали.

И когда узрел Мурван Глухой все, что постигло его, стал весьма винить себя и советников своих, предложивших ему вступить в эту узкую и лесистую страну, и поднялся и стал лагерем в Питиоте, в приморском городе, который именуют Цхуми.

И были тогда дети великого царя Горгасала Арчил (и) Дарчил в крепости той, которую называют Анакопия, ибо скрывались они (в ней) от страха перед персами. И выступили вперед с небольшим войском в сражение с язычниками, но были осилены ими, ибо убили брата старшего Арчила, а Дарчил вернулся в ту же крепость Анакопию.

Но безбожный Мурван Глухой поднялся и оттуда и прошел (вдоль) морского берега и забрал крепости и города приморские, разорил и сделал непроходимыми все земли приморские, покуда не достиг града оного богохранимого, который есть Константинополь, и разбил лагерь в городе, который именуют Халкидон, ибо море там течет в теснине и нет (там) у него широкого пространства.

Поэтому решил безумный и неразумный Глухой наполнить море камнями и сделать его проходимым, чтобы пешим (ходом) провести свое воинство по морю и таким образом забрать град Константинополь. Однако Господь Изумительный сделал пустым замысел его, как Ахитофела, в тот же миг постиг его гнев Божий, ибо в сумерках сжег его и на заре нашел мертвого, презираемого и забытого всеми. И как увидели это воины его, смутились и разбрелись в свою страну.

V. Мы же вернемся к прежнему слову и скажем о святых оных, о которых было слово наше.

И как мы уже сказали, привели их на то место, которое определил насильник, к реке, у озера, где построен храм святых Козмана и Дамиана. По словам того же насильника, оголили их и вздернули вниз головой и били по спине тяжелыми палками. Затем сняли, связали им руки и ноги и глыбы тяжкие возложили на спины их.

Но оные святые просили повременить и воззреть на небо, но не в силах были воззреть на небо, ни согнуть колени из-за тяжести тех глыб, но сердцем горячим возопили ко Господу и говорили, а именно: «О, Господи Владыка Иисусе Христе, Сын и Слово Бога Отца, как внял Ты просьбам нашим и удостоил нас свидетельствовать святое имя Твое, и ныне внемли мольбам и молитвам нашим, рабов Твоих. И как мы погребли плоти наши нетленно и неоскверненно во имя святое Твое, так и ты по мученической смерти нашей дай нашим телам нетленное и неоскверненное погребение. И если кто обратится к святому имени Твоему чрез наши имена — ниспошли милость Твою и дай скорее прощение прегрешениям нашим и сделай члены тел наших целительными от всех недугов и немощей во славу всехвального имени Твоего». После этого запечатлели тела свои печатью Животворящего Креста и сказали: «Господи Владыка Иисусе Христе, рукам Твоим поручаем души наши, аминь». Тогда раздался глас Небесный во всеуслышание, обещающий исполнить мольбу их, и сбросили палачи святых сих в то озеро, а сами бежали в страхе от того гласа о святых мучениках, что нисходил с Небес.

VI. И случилось в ту пору чудо изумительное и ужасное для слуха, ибо на то озеро с Небес спустились три светлых столпа, весьма сияющих, ибо с наступлением ночи осветились поля и леса от сияния, что исходило от тех столпов, и пали оковы с рук и ног святых и снялись глыбы со спин их, и бездушное озеро, словно одушевленное, возложило на плечи свои тела тех святых мучеников, и сияли они в воде той словно светила утренние.

Тогда Промыслом Божиим два неких раба святых мучеников, что были схвачены язычниками заодно со святыми и присутствовали при всех истязаниях и словесных прениях святых с насильником, еле спаслись с уходом язычников и скрылись в лесу. И они были облачены в одежды агарян.

Как только они узрели чудо то изумительное — столпы огненные и сияние света над тем озером — встрепенулись, и осмелели, и вступили в воду, и узрели святые тела оных мучеников на плечах вод, которые сияли, словно лики Солнца. Тогда признали они их и, трепеща от радости и грусти, взирали на оных святых. Тут еще двое каких-то прочих также вышли тайком из леса и которых агаряне оттеснили от воинов тех святых. И как узрели они то сияние, вышли и они на свет, что исходил из тех светящихся столпов.

Когда же они увидели ближних своих в одеждах агарян, оробели, ибо не признали их, подумав, что они из тех же язычников, и бежали. Но их окликнули, потому как узнали их, и говорили им, а именно: «Не робейте, ибо мы не враги, но братья ваши; так идите сюда и узрите господ наших Давида и Константина, ибо замучены они за Христа, и мы поведаем вам обо всем». Они же стряхнули с себя страх и подошли, и тут же признали их и приветствовали друг друга и поведали обо всем, что случилось со святыми в озере том. И рассудили, как надлежало бы поступить с теми телами оных святых. Но о сила человеколюбивого Бога, ибо послышался им глас от столпов огненных, а именно: «Возьмите прах святых и уведите к лесу на восток и, где будет вам угодно, так и погребите сии святые тела мучеников, ибо такова воля Господа Владыки — упокоить тела сих святых мучеников на месте ранее существующих

погребений». Когда глас сей был обращен к ним, тогда тела святых пребывали посреди озера, словно навьюченные (на нем), теперь же их узрели лежавшими у перешейка на краю озера.

И дивились те люди, и славили Господа, и приблизились в страхе и трепете, и подняли святые их тела, и направились (к лесу). И как рассвело, по воле Господней нашли на вершине скалы место, которое именуют Цхал-цител. Ибо было это место укрепленным и многолюдным городом, но Глухим Мурваном был разорен и сожжен, и стал он безлюдным, а церковь разрушена. Но в нижней части церкви осталась невредимой акелдама, и никого в ней не было из покойников, и в ней упокоили тела святых мучеников.

И были неведомы и скрыты до дней великого царя Баграта, и побудил его Святой Дух устроить на том пустынном и укромном месте монастырь, и возвел для поминания сих святых мучеников прекрасный храм, и сделал доступными народу тела сих святых мучеников, и упокоил их в прекрасном гробе в им же возведенном храме. И пребывают в нем уложенные тела святых мучеников Давида и Константина нетленные и невредимые, навечно устроенные, как они сами о том молили Бога. И исцеляют всяких недужных, кто с верой входит в их храм, тот и получает исцеление души своей и плоти.

А были замучены сии мученики Давид и Константин от сотворения мира в лето шесть тысяч двести сорок девятом, а от распятия Христа семьсот тридцатом, (в году) царствования над греками Леона Исаврийского иконоборца, а над грузинами детей Вахтанга Горгасала, а над нами владычества Владыки нашего Иисуса Христа, коего суть Царства и Слава наравне с Отцом и Животворящим Духом Святым и ныне и присно и вовеки веков, аминь.

Примечания

[1] *Сабинин М.* Полное жизнеописание святых Грузинской церкви. Т. 1—3. СПб., 1871—1872.

[2] *Джавахишвили И. А.* Древнегрузинская историческая литература//*Джавахишвили И. А.* Соч. Т. VIII. Тбилиси, 1977. С. 429.

[3] *Кекелидзе К. С.* История грузинской литературы. Т. 1. Тбилиси, 1960. С. 538 (на груз. яз.).

[4] Там же.

[5] Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. 4. Синаксарные редакции (XI—XVIII вв.)/Тексты к изданию подготовил и исследованием снабдил Э. Габидзашвили. Тбилиси, 1968. С. 154 и сл. (на груз. яз.)

[6] Там же. С. 160.

[7] *Вахушти Багратиони.* Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1973. С. 753 (на груз. яз.).

[8] *Джуаншер Джуаншериани.* Жизнь Вахтанга Горгасала/Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. С. 95 и сл.

[9] *Кекелидзе К. С.* Указ. раб.

[10] *Джуаншер Джуаншериани.* Указ. раб. С. 102—104.

[11] *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 171—176 и др.

[12] См. *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959; *Бердзенишвили Н. А.* Вопросы истории Грузии. Т. VIII. Тбилиси, 1975. (на груз. яз.).

[13] *Мусхелишвили Д. Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Т. II. Тбилиси, 1980. С. 77, 141 (на груз. яз.).

[14] Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. 4. С. 156.

[15] См. *Меликишвили Г. А.* Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. и рус. яз.).

[16] В основе одиозного прозвища Липаритов — Багваши лежит грузинское слово «багва» — «растрепывать», «разорять» (ср. *Орбелиани С.-С.* Соч. Т. IV. Ч. 1. Тбилиси, 1965. С. 101 (на груз. яз.).

[17] *Каждан А. П.* Византия и Липариты//Византинологические этюды. Тбилиси, 1978. С. 91—92.

[18] Картлис цховреба (История Грузии). Т. 1. Тбилиси, 1955. С. 319 (на древнегруз. яз.).

[19] См. *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.)//Древнейшие государства на территории СССР. М., 1980.

[20] См. *Карташов А. В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 261 и сл.

[21] *Антиох Стратиг.* Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст. Исследовал, издал, перевел и арабские извлечения приложил Н. Я. Марр. СПб., 1909.

[22] См. *Чичуров И. С.* Место «Хронографа» Феофана в ранневизантийской исторической традиции//Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М., 1983. С. 117—118 и др.

[23] *Такайшвили Е. С.* Источники грузинских летописей. Три исторические хроники//Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 28. С. 127—128.

[24] Картлис цховреба. Т. 1. С. 224.

[25] *Сумбат Давитис-дзе.* История и повествование о Багратионах/Перевод, введение и примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 30.

[26] *Антиох Стратиг.* С. 59.

[27] II Цар. XV—XVII.

[28] Быт. XII, 6; Втор. XI, 30. Вообще сакрализация дуба, который по библейской традиции занимал

основное место в верованиях древних евреев, как известно, широко распространенный в языческом мире обычай (см. *Фрезер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1986. С. 354 и сл.).

[29] *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. С. 7.

[30] *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. С. 281—282 и др.

[31] Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. 4. С. 158.

[32] *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа. Т. 1. Тбилиси, 1960. С. 428 (на груз. яз.).

[33] *Кекелидзе К. С.* Указ. раб. С. 477 и сл.

Georgian Agiography Monuments: David and Konstantin's Martyrdom (ethno-cultural aspect)

The article is devoted to a monument of Georgian agiographic literature of the XIth century. Described in the monument is the period of Georgia's most acute struggle against the Arab domination over the Transcaucasus in the first third of the VIII century. Information on ethnic composition of Western Georgia of the period and cultural development of the local Kartvel population is found in the monument.

G. V. Tsulaya